

Перевод:

(Женева.) 8 апреля (1872 г.). Понедельник¹

Я хотел ответить вам еще вчера (в его день рождения²) на ваше очень доброе письмо, дорогой старый друг; но вчера я был немножко нездоров (по обыкновению, но припадки становятся реже) – что меня не слишком-то беспокоит, поскольку Мери ухаживает за мной как нельзя лучше. Но что чинит мне затруднение, дорогой друг, – так это болезнь Чернецкого, который слег в постель. Врачи лечат его от желудочного ревматизма *Milchkur*’ом^{141*}. Я же думаю (но не осмеливаюсь это высказать), что это отравление свинцом типографии (которую он никак не может продать за неизменным покупателем). Суммируйте все сии обстоятельства, и вы найдете, что человек этот находится в крайне трудном и опасном положении. – Что до меня, то я надеюсь вновь найти здесь работу, кроме работы по сочинению стихов.

Я видел вчера Z.³ на вечере в память Дж(узеппе)⁴.

Славная моя Мери и славный мой Генри (который вскоре станет преподавателем английского языка) шлют вам дружеские приветы.

Обнимаю мою милую Ольгу и надеюсь, что болезнь ее несерьезна. Обнимаю вас, мой старый друг, и прошу вас писать мне часто. Делайте это и скажите то же от меня Алекс(андру).

Ваш А г а

¹Понедельник на 8 апреля приходился в 1872 г.

²Т.е. в день рождения покойного Герцена.

³О ком идет речь, неясно.

⁴Без сомнения, имеется в виду вечер в память Дж. Маццини, скончавшегося 10 марта 1872 г.

ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН (МОНО)

Публикация И.А. Желваковой^{142*}

С дочерью Герцена Ольгой (в замужестве *Моно*, 1850–1953) Огарев связан был не так тесно, как со старшей, Татой, но сердечно любил ее и называл своим близким другом. Он заботился о ее воспитании и старался выработать в ней гуманистические идеалы, трудолюбие и увлеченность искусством.

Чувство, которое Огарев испытывал к Ольге и ко всем остальным членам родной для него герценовской семьи, прекрасно выражено в его письме (вернее, в приписке к письму Герцена) от 13 июня 1869 г., публикуемом ниже.

Осенью 1874 г., после десятилетнего пребывания в Швейцарии, Огарев вынужден был переехать в Англию. В его письмах к Ольге слышится голос человека, уставшего от духовного одиночества, болезней и всякого рода невзгод, но не утратившего желания трудиться “для русского дела”.

В книге 2-й настоящего тома публикуется несколько сохранившихся писем Ольги Александровны к Огареву, которого она искренне любила.

Письма печатаются по автографам *ИРЛИ* и *ВН* (п. 2). Они впервые опубликованы М. Мервона на языке оригинала в *NOBL*, р. 106–107, 129–131, 136–138, 138–141 и *LOANf*, 311. До поступления в *ИРЛИ* автографы (кроме п. 2) находились в архиве правнука Герцена Л. Риста (Версаль). В 1973 г. Рист прислал в Музей Герцена ксерокопии с них, а подлинники позднее подарил гостившей у него правнучке Герцена Наталье Петровне. После смерти последней (1983) автографы были переданы в *ИРЛИ*. Фрагменты русского перевода опубликованы И.А. Желваковой и Е.Л. Рудницкой в сб. “Освободительное движение в России”, вып. 7. Саратов, 1978, с. 84–91.

^{141*} курсом молочного лечения (нем.).

^{142*} Французские письма перевела И.А. Желвакова; п. 2 – Л. Р. Ланский.

1

⟨Лондон. Между 20 и 25 декабря 1862 г.⟩¹

Милая Оля, я рад, что вы путешествуете хорошо и что ты все время мила и умна. Туту попал в семейство, где была собака точь-в-точь такая же, — это хозяева Тхоржевского; от этого они полюбили Туту, как свою родную собаку, и ей там очень хорошо. Пиши мне, как тебе понравится Италия. Целую тебя. Лиза очень мила и мало капризничает; но очень без тебя скучает.

Твой А г а

Пожми Мальвиде левую руку.

¹13 декабря 1862 г. О.А. и Н.А. Герцен вместе с М. Мейзенбург выехали из Лондона во Флоренцию. Письмо написано после 20 декабря — до этого времени собачка Туту, упоминаемая в письме, еще находилась в доме Герцена (ср. XXVII, 272), но только до 25-го числа, т.е. до приезда во Флоренцию.

2

⟨Женева. 13 июня 1869 г.⟩¹

[Chère Olga,

Il y a bien longtemps que je ne t'ai pas écrit, malgré tout mon désir de te remercier pour ta bonne lettre et de te demander la nouvelle romance que tu chantes et que tu as promis de m'envoyer. Mais j'avais encore quelque chose à te dire, ce que je considère comme parfaitement sérieux et humain, et parfaitement de mon devoir, puisque maintenant tu es grande et que tu peux comprendre les choses comme je les comprends.]

Je m'en vais donc te dire ce qui me tient à cœur, chère Olga.

J'aime et j'ai toujours aimé ton père comme le seul frère que j' aie au monde. Aussi j'ai toujours considéré ses enfants comme mes enfants. J'ai aimé ta mère comme une vraie sœur, aussi je vous ai toujours aimé comme mes propres enfants.

J'aime Lise comme ma propre enfant, puisqu'elle est aussi la fille de ton père et de Natalie, que je considère comme une sœur.

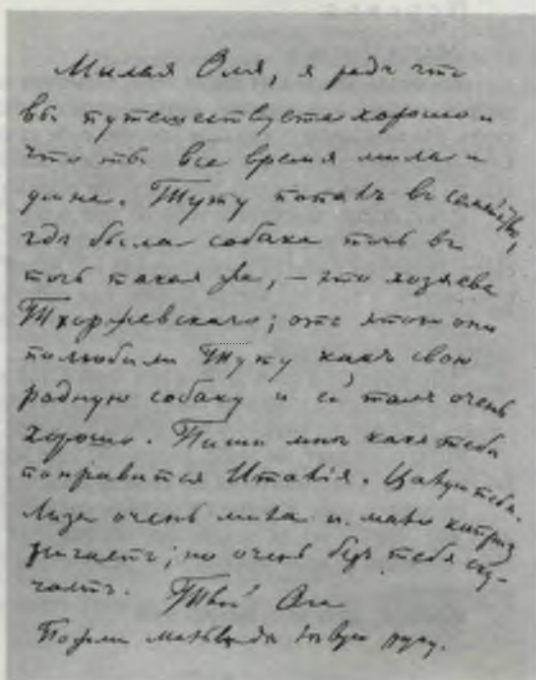
Ce que je te demande, ma bonne Olga, c'est d'aimer Lise comme ta propre sœur et de tâcher toujours de rester unies entre vous en mémoire de ton père et en ma mémoire, car nous ne voudrions pas que vous nous sépariez jamais dans votre affection².

Les années s'avancent, je ne sais si j'ai encore longtemps à vivre ou non. Voilà ce que j'avais donc de sérieux, à te dire. Penses-y bien et écris-moi.

C'est d'accord avec ton père et avec Natalie que je me suis décidé à t'écrire, car nous ne voulions pas que tu ne saches pas les choses comme elles sont. Tu nous tiens trop près pour que nous ne soyons pas francs avec toi et que nous ne le soyons avec une pleine confiance dans ton cœur et ton entendement.

Adieu, mon enfant, je t'embrasse.

Ton dévoué A g a

ПИСЬМО ОГАРЕВА ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН

Автограф. Декабрь 1862 г.

Институт русской литературы РАН,
С.-Петербург

Перевод:

[Милая Ольга,

Уж очень давно я не писал тебе, несмотря на все мое желание поблагодарить тебя за твое доброе письмо, и попросить новый роман, который ты поешь и который мне обещала прислать. Но мне предстояло еще кое-что тебе сказать: нечто такое, что я рассматриваю как исключительно серьезное и гуманное и составляющее мой исключительный долг, поскольку ты теперь большая и можешь понять вещи именно так, как я их понимаю.]

Итак, спешу высказать тебе то, что лежит у меня на душе, милая Ольга.

Я люблю и всегда любил твоего отца, как единственного брата, который есть у меня на свете. Поэтому я всегда рассматривал его детей как своих детей. Твою мать я любил, как родную сестру, и всех вас всегда любил, как собственных своих детей.

Лизу я люблю, как свое собственное дитя, поскольку она дочь и твоего отца и Натали, которую считаю сестрой.

Чего я прошу у тебя, добрая моя Ольга, так это любить Лизу, как свою собственную родную сестру, и прилагать старания всегда оставаться тесно сплоченными в память своего отца и в мою память, ибо нам не хотелось бы, чтобы вы когда-либо разделяли нас в своей привязанности².

Годы проходят, не знаю, долго мне еще жить или нет. Вот то серьезное, что я собирался сказать тебе. Подумайте-ка об этом хорошенько и напиши мне.

Написать тебе я решил в полном согласии с твоим отцом и с Натали, ибо нам не хотелось бы, чтобы ты не знала, как все обстоит на деле. Ты слишком близка нам, чтобы не быть с тобою откровенными и не относиться с полным доверием к твоему сердцу и твоему пониманию.

Прощай, дитя мое, целую тебя.

Преданный тебе А г а

¹Письмо, опубликованное в XXX, 131–133 по тексту ЛХХI 395, перепечатано в *HOBL*, 130–131 по автографу *BN* с исправлением отдельных погрешностей лервопечатных текстов. Перевод на русский язык печатается полностью впервые. Год уточняется по содержанию. Два первых абзаца, зачеркнутых Огаревым в черновике *ISSG*, вставляются (в прямых скобках) по публикации Мерво в *LOAHf*, 307–308.

²По словам внучки Герцена Жанны Амфу-Моно, Лиза, узнав, что она дочь Герцена, а не Огарева, заявила только: “Значит, вместо инициалов *J.O.* придется проставить на моем саквояже *J.G.*” (*HOBL*, 130–131).

3

Tuesday, 10 November (1874).

Newcastle on Tyne, Westmoreland Road 66,
at Mrs Smith (et à mon nom intérieurement,
je crois que c'est plus sûr et tranquille)

Merci, ma bonne Olga, p(ou)r ton affectueuse lettre et le *photograph* de Gabriel et d'Edouard. Vraiment, tu me restes une véritable amie, et cela me fait un vrai plaisir et bonheur, et je trouve la photographie parfaite. Je vous ai déjà écrit notre changement de logement¹; Mary avait trop à travailler par là, ce qui était impossible pour sa santé; ici elle aura du repos ou à peu près. Je suis aussi content de la situation ou à peu près. Voilà tout ce que je puis dire pour le moment. — Je remercie bien Gabriel pour l'envoi des 500 fr. (20 £) que j'ai reçu de Londres avant-hier, avec une aimable lettre d'A. von Glehn. Je lui ai répondu de suite², mais quant à changer je n'ai réussi qu' hier, la *Branchbank of England* étant ici très difficile. Mon ami Charles Wood étant en voyage pour son travail, c'est son collègue de magasin qui m'a aidé hier à changer dans une autre banque assez bien. Je remercie Gabriel d'autant plus qu'avec tous mes tracas l'argent m'est venu fort à propos. — Je suis vraiment content d'être arrivé ici et je recommence à travailler espérant parvenir à quelque chose.

Maintenant je commence à écrire ma confession en vers³ et ma “dernière malédiction” en prose⁴, qui vous amuseront peut-être. J'ai écrit à Al(exandre) et à Tata et Lise⁵, mais je n'ai pas de leur réponse. Ecris-moi quelque(mots?) comment elles arrivent à Paris.

Mary t'envoie son *shakehands*. Elle est bien satisfaite de la photographie de Gabriel et d'Edouard.

Envoie-moi l'adresse de Malvida.

Ton vieil ami А г а

Перевод:

Tuesday, 10 November^{143*} (1874).
 Ньюкасл-на-Тайне, Westmoreland Road, N 66
 г-же Смит (и на мое имя внутри;
полагаю, что это надежнее и спокойнее)

Спасибо, добрая моя Ольга, за твое сердечное письмо и за photograph^{144*} Габриеля и Эдуарда. В самом деле, ты остаешься моим подлинным другом, и это доставляет мне истинное удовольствие и счастье, фотографию же я нахожу превосходной. Я уже вам написал о перемене нами квартиры¹; Мери приходилось там слишком много работать, что совершенно недопустимо было для ее здоровья; здесь у нее будет отдых или подобие его. Я тоже доволен положением или почти доволен. Вот все, что могу сказать в данный момент. – Я весьма благодарен Габриелю за присылку 500 фр. (20-ти фунтов), которые получил позавчера из Лондона вместе с любезным письмом А. фон Глена. Я ему сразу же ответил², но что касается обмена, то это мне удалось сделать только вчера, потому что Branchbank of England^{145*} здесь чинит с обменом затруднения. Поскольку мой друг Чарлз Вуд разъезжает по своим делам, то его коллега в магазине помог мне вчера достаточно хорошо обменять в другом банке. Благодарю Габриеля тем более, что при всех этих моих неурядицах деньги пришлось мне весьма кстати. – Я, в самом деле, доволен, что приехал сюда, и возобновляю работу, питая кое-какие надежды.

Теперь начинаю писать свою исповедь в стихах³ и свое “Последнее проклятие” в прозе⁴, которые вас, быть может, позабавят. Я написал Ал(ександ)ру, Тате и Лизе⁵, но ответа от них не имею. Напиши мне несколько (слов) о том, как они добираются до Парижа.

Мери посылает тебе свое shakehands. Она очень удовлетворена фотографией Габриеля и Эдуарда.

Пришли адрес Мальвиды.

Твой старый друг А г а

¹Огарев переехал из Швейцарии в сентябре 1874 г. В Ньюкасле он сначала жил на Hawthorn Street, у Ч. Вуда.

²Это письмо Огарева остается неизвестным.

³Речь идет о незаконченном стихотворном отрывке, озаглавленном “Моя исповедь” (см. Н.П. О г а р е в. Избр. стихотворения и поэмы. М., 1938, с. 165–167 и 419; ср. комментарии С.А. Рейсера к кн. *Огарев 1956*, с. 842). Первый публикатор настоящего письма М. Мерво полагает, что, возможно, речь идет о двенадцати строках, озаглавленных “К моей биографии (Мое надгробие)”. «Известно, – пишет Мерво, – что Огарев предполагал продолжить свои “Записки русского помещика”, из которых четыре главы он передал Т. Пассек в 1873 г.» (*HOVL*, 137).

⁴“Последнее проклятие” – отрывок, написанный прозой и датированный 17 октября 1874 г. (“Лит. наследство”, т. 39–40, с. 363–364).

⁵Письмо от 3 ноября см. выше в публикации писем Огарева к А.А. Герцену.

4

О.А. ГЕРЦЕН, Г. МОНО, ТАТЕ И ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

Le 20 nov(embre 1874). Vendredi!
 Newcastle on Tyne. Westmoreland Road, № 66.
 Mrs Smith, for M-r Ogareff

Chers amis Olga et Gabriel, Tata et Lisa!

Je m'empresse de vous féliciter de notre part à l'occasion du jour de naissance de ma chère Olga. Quant à moi-même je viendrai à mon jour de naissance (61 ans) le 6 du mois prochain.

J'ai pour le moment beaucoup d'affaires très difficiles à régler entre Genève et moi (с. à d. p(ou)r mes effets expédiés de Genève). Je suis pressé. Je vous embrasse et je vous écrirai ces jours-ci, à Alex(andre) aussi.

Votre dévoué А г а

^{143*} Вторник, 10 ноября (англ.).

^{144*} фотографический снимок (англ.).

^{145*} Филиал Английского банка (англ.).

ОЛЬГА ГЕРЦЕН – НЕВЕСТА Г. МОНО

Фотография. (Флоренция), январь 1873 г.

Из книги: Alexandre Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga.
Paris, 1970

Перевод:

20 нояб(ря 1874 г.). Пятница¹
Ньюкасл-на-Тайне. Westmorland Road, N 60
Домовладелице Смит, для г. Огарева

Дорогие друзья Ольга и Габри-
ель, Тата и Лиза!

Спешу поздравить вас от нашего имени по случаю рождения моей милой Ольги. Что касается меня самого, то я приеду в свой день рождения (61 год) 6-го числа будущего месяца.

У меня теперь много очень трудных дел, которые мне предстоит разрешить с Женевой (т.е. по поводу моих вещей, отправленных из Женевы). Я тороплюсь. Обнимаю вас и напишу вам в один из ближайших дней, и Александру тоже.

Преданный вам А г а

¹Пятница на 20 ноября приходилась в 1874 г.

5

Greenwich, Ashburnham Road, N-35
3 février (1875), mercredi¹

Chère amie Olga, il y a bien longtemps que je voulais t'écrire. J'ai eu une lettre de Tата et j'ai lui ai écrit², mais ces jours-ci que

je voulais t'écrire à toi, je ne me portais pas assez bien et j'ai dû me tenir tout-à-fait tranquille. En général ma santé n'est pas pire, peut-être meilleure, et Mary me soignant je ne risque pas de me heurter pendant mes évanouissements. Aussi ils sont plus rares, mais pourtant cela arrive quelquefois. Mary connaît bien les précédents, aussi elle ne m'abandonne pas dans les cas en question et je m'en retire facilement. – Nous avons ici le commencement d'un printemps superbe. Il y avait un soleil brillant. Mais aujourd'hui il y a du brouillard rougeâtre, qui a l'air de passer bientôt et faire de nouveau place au soleil. Enfin je suis bien content du climat qui ne fait ni chaud ni froid. Tout ce que je sais c'est que je dois absolument commencer ce mois-ci une édition russe; aussi dès que je pourrai j'irai à Londres. Quoique c'est assez difficile p(ou)r moi, mais enfin ce n'est qu'un quart d'heure de chemin de fer. Je dois même aller voir Trubner p(our) n raisons. Je t'en prie, envoie-moi l'adresse de Davydoff ou de Savitch au plus vite. Je ne peux pas les retrouver dans mes livres et papiers, et le besoin de les voir est indispensable. Si tu te rapelles encore le russe, mon amie chérie, je t'aurais envoyé des choses à lire.

Je reçois ici le *Morning Advertiser*, que j'aime pour la *précision* des nouvelles et la clarté de l'imprimerie, mes yeux devenant vieux (j'ai 61 ans).

Donne-moi aussi l'adresse de Touts que je n'ai pu avoir de personne. – Henri a une bonne place de précepteur; nous avons de lui des bonnes lettres. – Mary n'est pas trop bien portante, mais l'habitude du travail et le besoin d'arranger ma chambre-à-écrire font qu'elle travaille du matin au soir, et je crains un peu pour sa santé. Elle te présente ses amitiés.

Dis mes amitiés à Gabriel. – Je voulais même aller faire la connaissance de von Gleh³, mais il m'avait écrit le 9 janv(ier) qu'il allait partir pour la France⁴. – J'espère que ce mois-ci je viendrai à bout de ma *situation* et de mes entreprises littéraires. Voyons!

Je sais qu'Alexandre était allé à Rome, mais je ne sais pas où il est maintenant.

Je t'embrasse en vieux père.

Ton ami А г а

Рукой Лизы Герцен (обращено к М. Мейзенбуг)⁵:

Meine Mali, hiermit nur Küsse und süsse Worte von deinem Kind Lilina.

Die kleinen Garibaldi interessieren mich – schreibe mir mehr von ihnen. Ist der kleine Junge wie Fiddi!? Ich gratuliere daß Theo endlich nicht mehr tanzt. – Ich begriffe es nicht von ihr. Wie lange bleibt sie noch in Rom?

Addio, Dein T ö c h t e r c h e n!^{146*}

П е р е в о д:

Гринвич. Ashburnham Road, N 35
3 февраля (1875 г.), среда¹

Дорогой друг Ольга, уже очень давно мне хотелось тебе написать. Я получил письмо от Таты и написал ей²; но в эти дни, когда мне хотелось писать именно тебе, я чувствовал себя недостаточно хорошо и должен был соблюдать полный покой. В основном, здоровье мое не хуже, возможно, лучше, и поскольку Мери ухаживает за мною я не рискую разбиться во время своих обмороков. К тому же они происходят реже, но все же это иногда случается. Мери хорошо знает, что им предшествует, и поэтому не оставляет меня в подобных случаях, и я легко выхожу из всего этого. – У нас здесь начало великолепной весны. Было ослепительное солнце. Но сегодня красноватый туман, который, похоже, вот-вот рассеется и снова уступит место солнцу. Наконец-то я очень доволен климатом, не жарким и не холодным. Все, что я знаю, это что для меня совершенно необходимо начать в этом месяце русское издание; поэтому, как только смогу, я поеду в Лондон. Хотя мне достаточно трудно для меня, но, в конце концов, это всего лишь четверть часа езды железной дорогой. Мне необходимо из *n* соображений повидаться с Трюбнером. Прошу тебя, пришли мне адрес Давыдова или Савича, как можно скорее. Я не могу отыскать их в моих книгах и бумагах, а увидеть их мне необходимо. Если ты еще помнишь русский язык, мой дружок, я пошлю тебе кое-что почитать.

Я получаю здесь “Morning Advertiser”, которую люблю за *достоверность* новостей и четкость печати, мои глаза стареют (мне 61 год).

Дай мне также адрес Тутса, который я не смог ни у кого получить. У Генри хорошее место наставника; мы получаем от него славные письма. – Мери чувствует себя не слишком хорошо, но привычка трудиться и потребность убирать мой кабинет заставляют ее работать с утра до вечера, и я немного боюсь за ее здоровье. Она шлет тебе дружеский привет.

Передай от меня добрые пожелания Габриелю. – Я хотел даже поехать познакомиться с фон Гленом, но он написал мне 9 янв(аря), что собирается во Францию. – Надеюсь, что в этом месяце я выйду из своего *положения* и завершу свои литературные предприятия. Посмотрим!

Я знаю, что Александр ездил в Рим, но не знаю, где он теперь.

Целую тебя, как подобает старому отцу.

Твой друг А г а

Рукой Лизы Герцен (обращение к Мейзенбуг): Моя Мали! Только поцелуйи и нежные слова от твоей доченьки Лилины. Маленькие Гарибальди меня интересуют – пиши мне о них побольше. Тот юноша, что помоложе, похож ли на Фидди? Поздравляю Тео с тем, что и она, наконец, стала танцевать. Этого я от нее не ожидала – сколько пробудет она еще в Риме?

Addio. Твоя доченька!^{146*}

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² Эти письма в печати не появлялись.

³ Как указывает в своей публикации М. Мерво, основываясь на фактах, сообщенных ему внучкой Герцена Жанной Амфу, речь идет об Александре фон-Глене (Glehn), лондонском негодянте прибалтийского или русского происхождения, женатом на старшей сестре Г. Моно – Фанни (род. в 1839 г.). Она жила в Риге.

6

ОЛЬГЕ

(Гринвич.) 19-го апреля (1875 г.)

Ma bien chère Olga, il y a deux jours après la réception de ta bonne lettre du 12 av(ril) (celle de N(atalie) y incluse)¹ que je voulais t'écrire, mais hier c'était dimanche et avant-hier

^{146*} Эта надпись Лизы сделана на автографе письма уже после получения его во Флоренции. – Ред.

je ne me portais pas assez bien. J'avais une lettre préparée avant pour Gabriel, que je lui ai expédiée de suite². J'avais reçu son Michelet que j'ai lu avec une grande sympathie et par rapport auquel je lui écrirai encore ces jours-ci³.

Eh bien! Edouard prospère⁴. Donne-moi plus souvent de ses nouvelles. Nous avons ici un printemps délicieux. Il y a longtemps que je n'ai vu un mois d'avril pareil. Les arbres verdissent, le parc est resplendissant.

Quant à la lettre de Natalie⁵, je pense que ce n'est pas moi, mais elle qui perd la mémoire. Aussi, après avoir beaucoup réfléchi, je me suis décidé à ne pas lui répondre pour ne pas la blesser.

J'ai reçu le journal Joukovsky⁶, mais je ne puis encore rien dire.

Je suis occupé pour le moment à travailler à des rimes, je ne sais comment elles réussiront. Mary, quoique assez malade travaille toute la journée et même au petit jardin de la maison. L'existence est tranquille et solitaire, ce qui me fait du bien.

Adieu pour aujourd'hui, chère Olga! Je t'embrasse bien, Mary te serre la main. Ecris-moi où tu es et que fait Gabriel.

Ton dévoué.

Перевод:

Дражайшая моя Ольга, прошло два дня с получения твоего милого письма от 12 апр(еля) (в нем находилось письмо Н(атали))¹, я хотел тебе написать, но вчера было воскресенье, а позавчера я себя чувствовал неважно. У меня было заранее заготовленное письмо к Габриелю, и я его тотчас же ему отправил². Мной получен его Мишле, которого я прочитал с большой симпатией и о котором ему еще напишу в ближайшие дни³.

Итак! Эдуард процветает⁴. Сообщай мне о нем почаще. У нас здесь восхитительная весна. Давно уже не видел я подобного апреля. Деревья зеленеют, парк сверкает.

Что касается письма Натали, то полагаю, что не мне изменяет память⁵. И вот, изрядно пораздумав, я принял решение ей не отвечать, чтобы не оскорбить ее.

Я получил газету Жуковского⁶, но сказать о ней ничего еще не могу.

Я занят сейчас стихоплетством, но не знаю, удачно ли у меня получится. Мери, хотя она не совсем здорова, трудится весь день напролет и даже в садике у дома. Существование мое спокойно и уединенно, и это действует на меня благотворно.

Прощай на сегодня, милая Ольга! Целую тебя крепко, Мери жмет тебе руку. Напиши мне, где ты и что поделывает Габриель.

Преданный тебе.

¹ Эти письма Таты и Ольги в печати не появлялись.

² Это письмо неизвестно.

³ Книга Г. Моно о его учителе, знаменитом историке Ж. Мишле, вышла в Париже в 1875 г. Написал ли Огарев о ней Моно — не установлено.

⁴ Эдуард — первенец Моно и Ольги Александровны (родился в 1873 г.). Глубоко уважая личность и деятельность Герцена, он, как известно, присоединил к своей фамилии фамилию деда.

⁵ Письмо Н.А. Тучковой-Огаревой от 12 апреля (опубликовано Н.А. Роскиной в "Лит. наследстве", т. 63, с. 514). "Огарев, так как тебе память часто изменяет, — писала она, — хочу тебе напомнить, что если я и Лиза тебе не пишем, так это потому, что эта дикая женщина (Мери Сетерленд) нас выгнала из твоего дома без малейшего протеста с твоей стороны (...) Прощай навсегда, не пеняй на нас".

⁶ Имеется в виду народническая газета "Работник", издававшаяся в Женеве бакунистами Н.И. Жуковским, Э.К. Ралли и др. с января 1875 по март 1876 г. По поводу нее Тучкова-Огарева сообщила Огареву в цитированном выше письме: «В Женеве Жуковский с другими издает газету "Работник", совсем твой взгляд — я послала Жуковскому твой адрес и надеюсь, что он тебе вышлет газету».

П.В. ДОЛГОРУКОВУ

Публикация С.Д. Гурвич

В т. 63 "Литературного наследства" опубликована записка к Герцену от 13 августа 1866 г., подписанная группой жевевских эмигрантов — М.С. Гулевичем, В. Мерчинским, Н.Я. Николадзе и еще одним лицом, фамилию которого не удалось разобрать (с. 858). Обращение к автографу (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 581) позволяет предположить, что эта подпись, стоящая первой, принадлежит Н.И. Утину; им же, судя по почерку, написан весь текст. "Записка"